

Искандер Аркадьев

М А Д А М

Монопьеса в одном действии

Действующие лица - М а д а м, пожилая русская француженка.

Пьеса основана на реальных событиях.

2026

+7 (968)765-41-07

isk1964@mail.ru

На сцене в луче прожектора стоит кофейный столик и стул. На столе – кувшин с вином, фужер, тарелка с канapé. На сцене появляется Мадам. Подходит к столу и садится на стул.

М а д а м – Сегодня мне позвонила моя дочь. Обычно мы связываемся в выходные. А тут она звонит в рабочий день, Я поняла: что-то случилось. Известие, которое я услышала, не повергло в шок. Но окунуло меня в глубины моей памяти. До детства я не добралась. А вот многое из того, что было после – я увидела так чётко и ясно... Знаете, как бывает: ты сидишь и смотришь, словно в кинотеатре, фильм. И этот фильм имеет хорошо знакомый тебе сюжет – прожитую жизнь. Но от этого он не становится менее интересным. Скорее, даже, наоборот...

Наливает в фужер вина. Отпивает. В процессе спектакля это происходит несколько раз.

Когда я второй раз в жизни пересекала границу Франции (а было это в 1993-м году в аэропорту имени Шарля де Голя) пограничник посмотрел мой паспорт и спросил меня по-английски с жутким французским акцентом «Какова цель вашего приезда во Францию?» Как же он был удивлён, когда гражданка Российской Федерации Анна Антоновна Александрова на чистейшем французском ответила ему «Я приехала к себе домой, мой дорогой друг!» Мне захотелось смеяться и плакать. Одновременно. Чувства, которые я в тот момент испытывала, нельзя передать словами. Ведь я возвращалась на Родину, которую покинула почти сорок лет назад!

Я родилась в предместье Руана – самом сердце Нормандии. В небольшом городке Эльбёф, на берегу Сены. Мои родители дали мне красивое имя – Анабель. Анабель Жюфре. У нас был свой дом в пригороде. Небольшой, но очень уютный. Вокруг дома был яблоневый сад. Я так любила наши яблоки! Боже! Их вкус я потом вспоминала все годы, которые провела в России! Отец был адвокатом, а мама – секретарём в его конторе. Моё детство медленно перетекало в отрочество, а потом в юность. Но вот после того, как мне исполнилось 18 лет, жизнь стала петлять, словно русло Сены. Она огибала одну излучину судьбы за другой, унося меня всё дальше и дальше от родного дома.

Знаете, я не помню войну. Ту, которую в СССР всегда называли Великой Отечественной. А во Франции и вообще в Европе она была Второй Мировой. В моей памяти остались лишь красные флаги с белым кругом, внутри которого была свастика. И красивые немецкие автомобили. В них ездили офицеры, одетые в элегантную военную форму. В небольшом нормандском городке войну обсуждали в ресторанчиках и кафе. Как обсуждали футбол или рыбалку. Она была где-то далеко. Так далеко, что её не было слышно и видно. Но именно

благодаря войне я встретила человека, который захватил мои чувства и мысли. Он вошёл в мою жизнь и стал распоряжаться ею с моего полного, безропотного согласия. Его звали Мишель. Он был русским. Высокий, стройный блондин с вьющимися волосами и голубыми глазами. Мишель Александрович не был из семьи иммигрантов. Во Франции он оказался в статусе оstarбайтера. В мае 1941-го года выпускник института устроился работать на завод в городе Харьков. А вскоре наступило 22-е июня. Бомбёжки, хаос, паника. В середине октября молодому специалисту доверили сопровождать последний эшелон с оборудованием и документами, который отправлялся на Урал. И так уж вышло, что этот эшелон попал под атаку немцев, даже не успев отправиться с вокзала. Ну и надо же так совпасть: всё это случилось в день рождения Мишеля! Представляете? Ни днём раньше, ни днём позже! Потом, годы спустя, он часто вспоминал этот факт. И даже сделался немного суеверным. Видеть смерть так близко, как это бывает на войне, и остаться при этом живым... Сознание и психология любого человека будут искать объяснение выпавшему на его долю счастью. Его светлые волосы и голубые глаза оценили даже немцы. Они сразу отфильтровали Мишеля из группы сопровождавших эшелон. К тому же он неплохо знал немецкий язык и сумел убедить их, что его предками были переселенцы из Германии. Якобы они приехали в Россию ещё в 18-м веке. Его сочли полезным специалистом. К тому же способным не портить генофонд властителей мира. И поехал мой будущий возлюбленный со своим оборудованием в другую сторону – к нам, на север Франции. Дело в том, что немцы решили перестроить руанские верфи под производство военных катеров. Поэтому сюда привозили станки, которые были захвачены в большом количестве в 41-м году. А ещё рейх не доверял французам. Их стремились заместить оstarбайтерами везде, где это было возможно. Мишель не был участником Сопротивления. Он работал на немцев. Как работало большинство французов. Пока не пришли союзные войска. Говорят, вместе с ними во Францию вернулся дух свободы. Не знаю. Если веселье и несколько дней празднований – это дух свободы, тогда да. Он вернулся.

После окончания войны Мишель не стал возвращаться на Родину. Он следил за информацией из СССР и знал о фильтрационных лагерях. О крайне негативном отношении к тем, кто находился на оккупированной территории. Можно представить какова могла быть его участь, если бы работники НКВД узнали, что на этой самой территории Мишель не партизанил, не занимался саботажем, а был инженером на военном производстве. Ведь он каждый день ходил на работу и ответственно выполнял её. Да, мой избранник не был героем. Не был даже воином. Но он стал героем моего сердца. Сразу, как только увидела его. Я приехала в Руан изучать медицину. Мишель часто приходил в кафе, которое было

напротив нашего лица. Все мои подружки были влюблены в стройного красавца. В его русые космы и лучезарную улыбку. Но выбрал он меня. Ту, которая была готова отдать ему своё сердце и свою жизнь. Всю, без остатка. Он смотрел на меня своими голубыми глазами. А я тонула в них...

Звучит песня «Hymne à L'amour» в исполнении Эдит Пиаф и потом затихает.

Я хорошо помню. Шёл 1951-й год. Мишель уже свободно говорил по-французски. Почти каждый вечер мы гуляли по набережной Сены. Я читала ему стихи Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Поля Верлена, Он читал мне на русском языке Пушкина, Тютчева, Блока, Есенина. Это было так прекрасно! Я загорелась русским языком. Но учить его у меня не было времени. Мишель, помню, тогда сказал: «Русский язык нужно учить в России. Как французский – во Франции. Тогда ты сможешь оценить не только красоту поэзии, но и её глубокий смысл. Который иногда неподвластен даже прозе». Боже, как он был прав! И как я была без ума от него! Настал день, когда я осмелилась пригласить Мишеля познакомиться с моими родителями. И знаете – он с радостью согласился. Не то, чтобы это было неожиданно для меня. Мы уже успели рассказать друг другу о своём детстве, о семьях. И он знал, что у моего отца юридическая контора. Как оказалось, у Мишеля были вопросы, которые он хотел обсудить с опытным адвокатом. А практика моего отца была весьма долгой – почти 20-ти лет! Опыта и авторитета у него было настолько много, что к нему обращались даже клиенты из Парижа. Встреча с родителями прошла прекрасно. Мишель всегда умел производить хорошее впечатление на незнакомых людей. Будь то офицер из зондеркоманды или родители влюблённой в него девушки. Вопрос, который он хотел обсудить с моим отцом, касался его гражданского статуса. Ведь он не был ни военнопленным, ни насильно перемещённым. По крайней мере по тем документам, которые имелись у него на руках. Сначала немцы в военной комендатуре Руана выдали ему то, что они называли аусвайс. Потом уже англо-американская администрация заменила этот самый аусвайс на какой-то свой документ. Ну и, наконец, французское правительство решило, что Мишель не подпадает под статус военнопленного или насильственно перемещённого лица. И потому не подлежит депортации по договору, который был заключён с СССР. В местном муниципалитете ему был выдан какой-то временный документ, который нужно было постоянно продлять. Всё потому, что Франции тогда было не до проблем иммиграции. Вопрос оформления официальных бумаг и определения своего статуса Мишель намеревался обсудить с отцом. Это было очень важно. Поскольку без получения необходимых документов нельзя было устроиться на хорошую работу с достойным заработком. Адвокатская контора «Жюфре и партнёры» занималась

исключительно бракоразводными процессами, делением имущества и вопросами наследства. Но папа, видя сияющие глаза своей единственной дочери, согласился вникнуть в проблемы её возлюбленного. Я уже говорила: отец был прекрасным юристом. И вскоре мы узнали, что Мишель может стать гражданином Франции. Но чтобы процесс ускорился, ему следует жениться на француженке. У меня забилося в груди сердце от одной мысли, что ею могла бы стать я. Однако эта мысль быстро покинула меня. Потому что Мишель сделал мне предложение выйти за него замуж. Он не дал мне возможности помечтать о том, что я могу стать его супругой! Я уже заканчивала свой медицинский лицей, когда мы поженились. Ну, а вскоре к нам пришли ещё две прекрасные новости. Первая: Мишель стал гражданином Французской Республики!

Звучит мелодия гимна Франции и потом затихает.

Боже, как рад был Мишель! Я помню его смех. И то, как он тряс французским паспортом: «Наконец-то! Теперь можно быть спокойным, что эпитафия на моей могиле не будет повторять слова из «Золотого телёнка» о Михаиле Самуэлевиче Паниковском!» А вторая новость уже касалась меня: я забеременела. Своей первой дочерью. Тогда мы ещё не знали, что родится дочь. Но мы были счастливы. Как и мои родители. Они помогали нам снимать две большие комнаты в самом центре Руана. И всё у нас складывалось великолепно. Жизнь рисовала радужные перспективы. Однако вскоре выяснилось, что даже при наличии паспорта Мишель не может рассчитывать на какую-то работу по специальности. Поскольку у него не было диплома. Тот, что был получен накануне войны, даже будь он под рукою, тоже не давал никаких шансов. По одной простой причине – это был советский диплом. В СССР война породила нехватку инженеров и рабочих кадров. Ведь надо было поднимать полстраны из руин. Ну а во Франции, как я уже говорила, война была другой. Здесь безработица, очереди на биржах труда и за пособиями были обычным явлением. Всякий раз, когда Мишель приходил вечером домой после поиска работы, он был непохож на себя. Опущенные плечи, потухший взгляд. Его мысли были где-то далеко. Не со мной и нашей дочерью, которая жила во мне. Я знаю: Мишель был прекрасным специалистом. Но это никого не интересовало. Только диплом, полученный во Франции или в другой стране Европы мог гарантировать ему работу технологом или инженером. А для этого ему нужно опять, как пятнадцать лет назад, становиться студентом и учить то, что давно уже знал. И чему сам мог научить многих. Мишеля просто корбило от такой перспективы. Тогда мой папа предложил ему пойти учиться на юриста. Чтобы не повторять пройденное и не изучать известное. Тем более, получить новую профессию можно было заочно, работая в конторе

отца. Чтобы потом стать одним из его партнёров. Мишель не то, чтобы согласился. Но он начал работать в бюро «Жюфре и партнёры». Других вариантов у него всё равно не было.

Пятого марта 1953-го года родилась Мари. Мария. Именно такое имя мы выбрали для нашей дочери. Нам хотелось, чтобы оно было привычным для двух языков. И в этот же день в СССР умирает Сталин. Мишель сказал, что это не просто совпадение. Он день своего рождения ведь тоже считал символичным. Не только потому, что появился на свет. Я уже рассказывала – в этот день он мог погибнуть. В самом начале войны на востоке. Но, слава богу, остался жив. Ну, а вскоре новое руководство Советского Союза официально заявило о решении положить конец политическому диктату в стране. В это трудно было поверить. Коммунистический режим у нас всегда ассоциировался с именем Сталина. И с репрессиями. Мишель сам рассказывал мне о том, как прямо во время лекций проходили аресты преподавателей. В том числе и за то, что они посещали Германию. И как потом он и его сокурсники узнавали о незавидной судьбе этих людей. Их судили за шпионаж. Мы слушали радио и читали газеты с новостями из России. А потом обсуждали их. Тогда-то Мишель впервые сказал мне, что хотел бы вернуться в СССР. Вместе со мной и Мари. Конечно только в том случае, когда станет очевидно, что обещания Хрущёва – это не пустой звук. Хорошо помню, как в глазах Мишеля опять появился блеск. Он вновь ожил. И стал похож на себя самого, когда получил французский паспорт. Ну, а после того, как в Советском Союзе побывали Ив Монтан и Симона Синьоре, мы уже всерьёз заговорили о переезде в СССР.

Звучит песня «Одиновая гармонь» в исполнении Ива Монтана, потом затихает.

Мишель обратился в советское посольство с вопросом о возможности репатриации. И с запросом о судьбе своих родителей. Как же он обрадовался! Нет, не так. Как он светился от счастья, когда узнал, что его мама жива! Она приехала в Уфу вслед за заводом, где должен был работать её сын. А вот отец Мишеля погиб. Он был военным лётчиком. Всю войну и в послевоенное время мама тщетно пыталась найти своего Мишулю (так родители его называли в семье). Ну, или узнать хотя бы что-то о его судьбе. А тут сын сам нашёл её! Но самое главное – Мишель получил разрешение на возвращение на Родину! Это было непросто. Ведь он уже был гражданином Франции. И у него была семья. Но разве данный факт мог остановить моего любимого супруга? И меня вместе с ним? Конечно же нет! Потому что мы твёрдо для себя решили, каким будет наше будущее. Мишель горел идеей возвращения. В страну, где он мог работать по специальности. Туда, где его ждала мама. Где мы должны были обрести новое счастье. Да разве же могло быть по-другому? Я была в полной уверенности, что иначе быть не могло. Мои родители лишь раз завели разговор о

том, насколько верное решение мы принимаем. Ведь нас уже было трое. Но Мишель был непоколебим. А вместе с ним и я. Помню, как он рассказал мне о Полин Гёбль. О той француженке, которая уехала на каторгу в Сибирь вслед за своим возлюбленным. За декабристом Иваном Анненковым. «Я надеюсь, что каторга нам не грозит. Ну, а работать и жить можно даже в Сибири» - так Мишель то ли шутил, то ли успокаивал меня. Знаете, он буквально заразил меня своим кипучим желанием переехать в СССР. Я уже сама считала, что нам нужно уезжать из Франции. Меня абсолютно не прельщала перспектива быть супругой адвокатского клерка. Разве таков был масштаб Мишеля? Пересказывать все перипетии, связанные с нашим отъездом на Родину Мишеля, я не буду. Во-первых, потому что плохо помню всю суету, с которой связан любой переезд. Эту кучу документов, оформление виз, покупку билетов. И много, много чего ещё. Ну, а во-вторых, не хочу оживлять и пересказывать нервозность, в которой мы все пребывали из-за этой сáмой суеты. Но я прекрасно помню то облегчение, которое испытала, когда мы сели в купе поезда. Он следовал до Варшавы. Там мы должны были пересесть уже на другой поезд. Который шёл до Москвы. Мы уезжали с вокзала Гар-дё-л'Эст. Я тогда ещё подумала, что толком не успела узнать Париж. Потому что приезжала сюда всего лишь несколько раз. И всегда на пару дней. Не более. Мне раньше казалось, что этот город никуда от меня не денется. Я обязательно буду в нём жить. Ну не в Эльбёфе же?! Конечно, в Париже! Только в Париже!

Звучит мелодия A Paris на аккордеоне. Потом затихает.

Потом, когда по телевизору передавали репортажи из столицы Франции... Или когда я смотрела фильмы с Бельмондо, Ришаром, Делоном, я всегда думала: «Боже! Увижу ли я этот прекрасный город когда-нибудь ещё? Узнаю ли его? Пройдусь ли по его улицам? Попью кофе с видом на Елисейские поля?» А тогда я сидела в купе, положив голову на плечо Мишеля. Напротив мирно спала Мари. Мои глаза были закрыты. Как же мне хотелось представить себе – какая она, Москва? Париж меня уже не волновал. Как не особо беспокоили слёзы матери и волнение отца. Со мной был мой любимый супруг. Ладонь которого я крепко сжимала. А ведь могло всё сложиться так, что я покидала Францию и своих родителей навсегда. Знаете, была ещё одна причина, которая заставляла меня отвлекаться от всего. От всего, что должно было остаться в прошлом. Я была беременна! Да-да! Беременна во второй раз! Но об этом никто, кроме меня, не знал. Я не решилась поделиться радостью даже с Мишелем. А вдруг он из-за этого отложит поездку? Или вовсе отменит её? Ну и, конечно же, я не хотела загружать своих родителей. Они и так сильно переживали расставание со своей единственной дочерью, с внучкой и зятем. Которого

успели полюбить, как родного сына. Мне даже иногда казалось, что за Мишеля мои родители переживали больше, чем за меня. Но я не ревновала. Наоборот, я была счастлива! В Москве мы остановились в гостинице «Украина». Тогда она только открылась. Красивое, величественное здание со шпилем. Я долго не решалась зайти внутрь. Мы с Мари стояли и, запрокинув головы, смотрели вверх. Мне казалось, что облака вот-вот заденут шпиль. Мишель подошёл, обнял меня за плечи и улыбнулся. «Это архитектура победы. Другой мы с тобой не заслуживаем!» - сказал он. Наш номер был на 30-м этаже. Из его окон открывался вид на город и реку. Вид, от которого захватывало дух! Но у нас не было времени любоваться Москвой. На предстояло сделать очень многое. Первым делом мы отправились в посольство Франции. И там написали заявление об отказе от французского гражданства. Дело в том, что по-другому эмигрировать в Советский Союз было невозможно. А мы ведь не хотели быть туристами. Мы приехали в СССР для того, чтобы остаться здесь навсегда. Чтобы здесь жить, работать. И быть счастливыми людьми. Потом было ещё много заявлений, анкет, фотографий, справок, формуляров. Больше, чем это требовалось при отъезде из Франции. Ну и, наконец, мы выехали в Уфу. Где нас уже ждала мама Мишеля. И вновь я покидала огромный город с уверенностью в том, что он от меня никуда не денется. Что потом я обязательно сюда вернусь и стану москвичкой. Как мне было хорошо! С каким нетерпением я ждала будущее! Моя душа просто пела!

Звучит песня *C'est Si Bon* в исполнении Ива Монтана и потом затихает

Антонина Захаровна – так звали маму Мишеля. Она пережила оккупацию. Когда советские войска вернулись, ей стало известно о гибели мужа. Представляю каким ударом это было для неё. Но вот о сыне она не могла узнать ничего. И поэтому приехала в Уфу. Именно в этот город следовал состав из Харькова. Тот самый, который должен был сопровождать её сын. Дом Мишеля был разрушен во время боёв. И возвращаться ей было некуда. Антонина Захаровна решила остаться в Башкирии и продолжить поиски по всему Уралу. Она устроилась в отдел кадров на местную макаронную фабрику. И всё свободное время тратила на поиски своего сына. Писала письма во все инстанции. Посылала запросы в военкоматы, музеи, органы милиции, министерство путей сообщения. Изучала архивы, общалась с историками и с особистами. Искала очевидцев. Расспрашивала даже путевых обходчиков и дежурных по переезду на маршруте, по которому должен был следовать состав с её сыном. Единственное, что её успокаивало – это отсутствие документов и каких-либо доказательств, подтверждавших смерть сына. Вера и надежда давали ей силы. Силы жить и продолжать поиски. И она, в конце концов, была вознаграждена. Сначала Антонина Захаровна узнала о том, что её Мишуля жив. А потом она его встретила. Через семнадцать

с лишним лет. Семнадцать лет разлуки, поисков и неизвестности. Ну, а вместе с сыном она встретила меня и свою внучку. Я видела счастье и слёзы матери. У меня у самой текли слёзы. От радости за Мишеля и его маму.

Звучит песня Мата в исполнении Далиды, потом затихает.

Макаронная фабрика, на которой работала Антонина Захаровна, выделила ей комнату из жилого фонда предприятия. Массового строительства панельных домов тогда ещё не было. Одно и двухэтажные деревянные постройки возводили ещё пленные немцы. Бараки, как их называли, составляли в послевоенное время большинство зданий Уфы. Но даже этого убогого жилья не хватало людям, пережившим страшную войну. И тем не менее, когда руководство фабрики узнало о том, что Антонина Захаровна нашла наконец-то своего сына, и что он едет к матери с супругой и дочерью, ей выделили ещё одну комнату. Смежную. К нашему приезду там даже сделали ремонт. Я никогда не жила в доме, где кухня и туалет общие. У Мишеля такой опыт был. Во Франции. Когда он был оstarбайтером. Да, это была обычная коммуналка. Но нам, как я поняла позднее, ещё очень повезло. Ведь в доме были водопровод и канализация. Удобства, как говорили раньше. Уже позднее я узнала, что большинство подобных бараков имело эти самые «удобства» на улице! Водонапорные колонки и деревянные пахучие строения были даже в центре города! После отеля «Украина» и вида на Москву с 30-го этажа было трудно себе представить, что нам предстояло жить в коммунальном бараке. Причём, неизвестно как долго...

Первое письмо родителям я написала из Москвы. Восторженное, переполненное радостью, предчувствием новых прекрасных впечатлений. И вложила в письмо открытку с видом на Красную площадь и Кремль. Следующее письмо я уже написала из Уфы. Видимо, как я не пыталась скрыть своё настроение, сердце моей мамы обмануть не удалось. Впечатления от Москвы вызывали у неё радостные чувства и пожелание счастья. А вот второе письмо из Франции уже было настороженным. Мама начала расспрашивать меня о том, что я пыталась скрывать. Не только от неё, но и от самой себя. Боже, как мне было страшно посмотреть правде в глаза! Я всячески старалась от неё отвернуться. И если не обмануть, то успокоить себя. Но разве можно успокоить сердце матери? В общем, условия нашей жизни оказались несравненно хуже того, что мы с Мишелем ожидали. Однако это было полбеда. Дело в том, что нам пришлось столкнуться с ещё одной проблемой. Мы довольно быстро получили уведомление о лишении нас гражданства Франции. Но вот что касалось получения советских документов, ситуация была абсолютно непонятной. Как оказалось, в Уфе никто и никогда не сталкивался с процедурой оформления иностранцем гражданства СССР. Поэтому практически на каждое наше действие и запрос мы получали

такой ответ: «Сейчас отправим информацию в Москву. Зайдите через неделю – к этому времени должны ответить». Без паспорта Мишель не мог восстановить свой диплом. И начать работать, чтобы обеспечить свою семью. А ведь скоро в ней должно было быть пополнение. О котором он, правда, всё ещё не знал. Потому что я решила не расстраивать Мишеля сообщением о своей беременности. Мой любимый супруг и так не мог найти себе места из-за той неопределённости, в которой мы оказались. По воле судьбы и бюрократии.

Я начала потихоньку учить русский язык. Читать русскую литературу мне ещё было не по силам. Но вот что касается общения с соседями, в магазине и на улице, то я начала многое понимать. И радоваться тому, что люди тоже меня понимали. Они вообще всегда старались всячески помочь мне. Это было так приятно... Ну, а тем временем вопрос с нашими советскими документами никак не решался. Антонина Захаровна как-то смогла договориться с руководством своей фабрики о том, чтобы Мишелю смогли предоставить пусть и временно, но хоть какую-то работу. Потому что её зарплаты уже не хватало на нашу семью. И мой муж пошёл работать грузчиком. Без паспорта и других документов это был единственный вариант трудоустройства. Представляете? Грузчиком! Каково было ему? Я могла только догадываться. Но он сам выбрал жизненный путь, по которому шёл. Вернее, мы пошли по нему вместе.

Звучит песня Ma Vie в исполнении Алана Барьера и потом затихает.

Наконец нам выдали наши паспорта. Советские. Надежда и улыбки вновь вернулись в нашу семью! Антонине Захаровне предстоял в скором времени выход на пенсию. Она очень ждала этого. Потому что хотела быть бабушкой для своей внучки. Казалось, она любила Мари даже больше своего сына. И к тому же я ей по секрету рассказала о своей беременности. Боже, как она обрадовалась! Как счастлива была!

Ещё до получения паспортов, Мишель отправил запрос в Харьков. В институт, который закончил прямо перед войной. Ему не терпелось восстановить свой диплом. Ведь он давал возможность работать инженером. А не идти повторно учиться. Иначе перспектива была одна – стать грузчиком или дворником. Единственное, что Мишелю удалось выяснить, так это то, что Харьковский авиационный институт во время войны был эвакуирован. Со специалистами, документацией, картотекой и всем остальным. Однако многое вывезти не успели. И во время боёв за город (он ведь сдавался и освобождался несколько раз!) практически все невывезенные институтские архивы были уничтожены. Не сохранилось почти ничего. Так что Мишелю предстояло выехать в Харьков и на месте доказывать, что он – это он. Михаил Александрович Александров. Бывший студент, получивший диплом

накануне войны. И успевший поработать какое-то время инженером-технологом. Нужно было искать свидетелей – бывших сокурсников, преподавателей. Бывших коллег на заводе, который был восстановлен после войны. Словом, всех, кто мог подтвердить, что Мишель отучился в Харьковском авиационном институте. Что он является дипломированным специалистом.

И остались мы в Уфе втроём. Антонина Захаровна сразу начала оформлять выход на пенсию. Она готовилась нянчить ещё неродившуюся Леночку, свою вторую внучку. И стать опорой нашей семьи. Поскольку знала, что в отличие от Мишеля, я готовилась стать студентом. Мне очень хотелось завершить то, что было начато ещё во Франции. Я решила получить медицинское образование. И стать педиатром.

Курсов русского языка в Уфе не было. Зато была Антонина Захаровна! До войны она преподавала в школе русский язык и литературу. Мы с ней усердно занимались каждый день. Я, как школьница, радовалась хорошим оценкам, которые она мне ставила. И готова была целовать её руки, когда она гладила меня по голове и приговаривала «Какая ты у меня умница, Аннушка!». Аннушка – так она называла меня. А Мари была Маришенька. И никак иначе. Моя милая, добрая Антонина Захаровна!

Ожидание счастья вернулось в моё сердце. Оно давало мне силы. Я вновь обрела уверенность в будущем. Перестала обращать внимание на наш коммунальный быт. На постоянную нехватку денег. Эту смену моего настроения уловила и моя мама. В её письмах уже не было вопросов, на которые приходилось отвечать уклончиво. Не вдаваясь в подробности. И не давая волю эмоциям. Жизнь, как тот день, когда я познакомилась с Мишелем, начала играть радужными красками. Красками любви, надежды, веры в лучшее.

Звучит песня *La Vie en Rose* в исполнении Эдит Пиаф, потом затихает.

А что же Мишель? Первую весточку от моего любимого мужа мы получили сразу, как он приехал в Харьков. Прямо с вокзала он дал нам телеграмму о том, что добрался. Ну, а потом последовали не часы – дни без новостей от него. Это сейчас всюду интернет и мобильные телефоны. Раньше ведь были только письма и телеграммы! Поэтому каждую весточку от моего любимого супруга мы не просто ждали. Почтальон, которую все звали Найля апа, ещё в войну носила письма. И она, видя, как мы с Мари всякий раз выбегаем на улицу, когда она подходит к нашему дому, улыбалась: «Пэтэш? Зачем так ждать? Война уже давно кончилась! Пишет папа, пишет!» И папа писал. Не часто. Но мы знали, что он устроился слесарем на авиационный завод и получил койкоместо в общежитии. Это был такой же барак, как и тот, в котором жили мы. А ещё ему удалось найти несколько человек

из числа тех, с кем он учился. Все они получили «бронь» и во время войны работали в тылу на эвакуированных предприятиях. Так что Мишелю повезло. Как и тем, кого он нашёл. Потому что практически все, кто добился отправки на фронт, погибли.

Меня тогда впервые удивило, что он как-то проигнорировал мой вопрос о мединституте в Харькове. Но я быстро забыла об этом. Просто сама решила, что такой институт там обязательно есть. И Антонина Захаровна тоже успокоила меня: «Да как ему не быть в Харькове, Аннушка? Медицинский у нас ещё до революции был». Вообще Антонина Захаровна стала для меня всем: мамой, подругой, учителем, заботливой бабушкой. С ней я советовалась по любому поводу. Именно она мне сказала, что пора сообщить нашему Мишелю-Мишуле о моей беременности. Я тоже так думала – пора. Мы были уверены, что теперь, когда будущее становилось всё более и более определённым, это не будет для него поводом переживать и расстраиваться. Ну, а как же? Второй ребёнок в тех условиях, в которых оказались мы, мог стать для нас всех обузой.

Я очень хорошо помню тот день, когда мы вышли с Мари навстречу Найле апе. Она издали увидела нас и радостно подняла руку с конвертом. «Несу-несу!» - улыбалась почтальон. Я взяла из её рук письмо. Знакомый, родной почерк моего Мишеля. Я уже начала было открывать конверт. И только тут увидела, что получателем была указана Антонина Захаровна. «Ну что ты, мама, открывай быстрее!» – начала торопить меня Мари. Какое-то нехорошее чувство у меня тогда появилось. Я даже немного испугалась. Потом ещё раз взглянула на конверт. «Да, это его почерк» - подумала я и успокоилась. Но всё-таки это было странно. Обычно Мишель писал нам. И уже в письме были строки, адресованные матери. К которой он всегда обращался на «вы». «Нет, это письмо папа написал нашей бабушке» - ответила я, - «Отнеси его в дом». Ну, а сама решила пойти в магазин. Чтобы не стоять над душой у Антонины Захаровны.

Когда я возвращалась, то увидела, как к нашему бараку свернула машина скорой помощи. Сомнений, что это к нам не было никаких. Помню, как у меня поплыло всё перед глазами и начало трясти. Кое как дошла до дома. Соседи сразу подхватили меня. Сказали, что Мари прибежала к ним. Плакала. От неё узнали о бабушке. Что она упала на пол...

Звучит мелодия Мата в исполнении оркестра Поля Мориа, потом затихает.

Мишель успел попрощаться с мамой. Он приехал утром, в день похорон. Я послала телеграмму сразу, как только Антонину Захаровну увезли в больницу. Тогда я ещё не знала, что он бросил меня. Потому что не решилась прочитать письмо сразу. Только вечером... Мишель писал, что познакомился с женщиной. И произошло это в знаковый для него день

– день рождения. Женщина занимала высокий пост на заводе. И от неё зависела его дальнейшая судьба. Она могла закрыть на многое глаза. На отсутствие каких-то документов. На то, что он был во время войны на территории врага. Что там не принимал участие в партизанском движении. Она была одинока. Воспитывала сына. Дальше ещё что-то было, но я уже не могла это читать... Мишель просил свою маму подготовить меня к разговору. Подготовить... Меня...

Так я потеряла двух близких мне людей. В один день. Как я смогла это выдержать? Не знаю. Не помню. Соседи помогли. Спасибо им. Они рассказывали мне о войне. О том, как жили. Рожали. Голодали. Работали в две смены. Воспитывали детей. Получали похоронки. У той же Найли апы с войны не вернулись муж и один из сыновей. Она приносила людям не только письма, но и похоронки. Дважды принесла к себе в дом...

О Мишеле я старалась не вспоминать. И у меня это почему-то получалось. Дала ему развод, как он просил. Он регулярно, как и раньше, присылал нам деньги. Единственное, о чём его попросила – не писать нам. Хотя бы первое время. Мишель и не настаивал. Только попросил уведомить его кто у нас... у меня родится – сын или дочь. Знаете, я потом долго думала. Вот если бы не смерть Антонины Захаровны, наверное, я не смогла бы пережить его уход. А так я вспоминала её. Мою родную Антонину Захаровну. Которую никогда не воспринимала как свекровь. Но ни разу при жизни не назвала мамой... Родителям я написала только о её смерти. И попросила не ждать ближайшее время писем. Скрывать что-то от родных людей я так и не научилась.

После похорон меня чуть ли не за руку привела на макаронную фабрику Найля апа. Туда, где раньше работала Антонина Захаровна. И где ещё совсем недавно грузчиком был её сын. На этой фабрике знали о моей истории. И помогли нашей семье. Очень помогли. Мы ведь остались ни с чем. Поскольку жили на деньги, которые нам присылал Мишель и на пенсию его мамы. Надо было как-то зарабатывать на жизнь. Меня, как и супруга... бывшего супруга оформили грузчиком. Но увидев, что я беременна, сразу перевели на упаковочную линию. И вскоре спокойно оформили декретный отпуск. А ещё Маришку приняли в детский сад. Пока была жива Антонина Захаровна, у нас не было в нём никакой необходимости.

Через три месяца родилась Леночка. Всё это время старалась думать только о ней. О ребёнке, который жил во мне. И о Мари. Ну и о будущем тоже. Правда, будущего своего я никак не представляла. Просто не понимала каким оно может быть... Первое письмо, которое я отправила во Францию, было после родов. Короткое. С фотографией нас троих. Меня, Маришки и Леночки. Попросила соседа Володю сфотографировать нас. Ему

родители купили фотоаппарат. Я старалась улыбаться. Написала, что у нас всё хорошо. Что подробности позже. Единственное, в чём я слукавила – на обратной стороне фотографии указала, что снимал нас Мишель. Позже мне удавалось проделать этот же трюк несколько раз. Но моя мама, как я потом узнала, всё поняла. Просто решила не тревожить меня. Мои душевные раны. Она думала: живы-здоровы – и ладно. Знаете, помощь и участие людей – соседей по бараку, коллег по работе – всё это уберегло меня от судьбы Анны Карениной. И ещё я помнила ту историю. Про Полин Гёбль. Француженку, которая была женой декабриста Анненкова. И последовала за ним на каторгу. Всё-таки она была счастлива. Её не предали.

А прямо перед выходом из декрета в моей жизни случилось радостное событие. Первое после того, как я покинула Францию. Наш барак начали расселять! Он находился на том месте, где должна была пройти новая трамвайная линия. И нам предоставили отдельную квартиру! Двухкомнатную! Бесплатно! В панельной хрущёвке, которые стали, как грибы, появляться в Уфе. Я решила: это шанс. Шанс написать родителям всю правду про себя и Мишеля. Мне почему-то казалось, что хорошая весть уравновесит плохую. Ну, или сделает её менее тяжёлым ударом. Ну, вот так мне казалось. И я обо всём написала. Большое письмо. Знаете – вот, словно сбросила камень с души. Я снова почувствовала жизнь. Нет, не так. Я снова её полюбила. И мне захотелось, чтобы жизнь тоже любила меня! Если не Мишель – так пусть это будет жизнь!

Звучит песня *Love Me, Please* в исполнении Мишеля Полнарёфф, потом затихает

Я вернулась на фабрику. И меня сразу сделали бригадиром грузчиков. Я ведь уже знала процесс, скажем так. А ещё не пила. Грузчики меня уважали, как сами говорили. Потому что не отлынивала от работы и им не позволяла. Ещё выбила для бригады новое бытовое помещение с душем. И строго следила за тем, чтобы моим мужичкам за переработку платили соответствующим образом. Ну, а вскоре мы переехали в новую квартиру. И бесконечно радовались этому событию. Много наших барачных соседей переехали с нами. Но были и новые. И среди них – Рая. Мы сразу стали подругами. «Мадам» - так она меня называла. И так с её лёгкой руки меня стали называть другие соседи! А потом коллеги. И подруги, которые у меня появились. Даже дочери. Ещё будучи школьницами, когда я была слишком эмоциональна, они мне говорили: «Мадам, да успокойтесь уже!»

Рая преподавала в местном университете. По специальности она была филологом. Недавно разошлась с мужем и одна воспитывала сына – такого же малыша, как и моя Леночка. Нам было на чём сойтись! Когда моя новая соседка узнала, что я француженка,

мать-одиночка двоих дочерей и работаю на макаронной фабрике грузчиком, она испытала шок. После этого Раечка (так я её называла – она была маленького роста, словно зайчонок) заявила, что берёт надо мной шефство. Уж не знаю куда она ходила и обращалась. Только очень скоро меня перевели в канцелярию. Позже моя новая подруга проговорила, что написала обо мне даже в международный отдел Центрального комитета профсоюзов. И в письме задала вопрос: «Представляете, как историю бывшей гражданки капиталистической страны из обеспеченной семьи могут преподнести на Западе? Причём, во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС в ту же Францию?» А ещё она уговорила меня получить заочно высшее образование. И факультет выбрала за меня – иностранных языков. В только что открывшемся в Москве Университете дружбы народов. Там при поступлении не требовался школьный аттестат. Французский был моим родным, а английский я неплохо знала с юности. И я спросила её: зачем мне учить то, что я знаю? Раечка, помню, улыбнулась. «Мадам! Вы с вашим-то жизненным опытом как-то должны мыслить на перспективу!» О, как же права она была! Как права! Я ведь всегда плыла по течению жизни! Потому что за меня кто-то решал что и как мне делать. Я даже не задавалась вопросом: а что дальше? А что, если...? А вдруг...? Ну, а моя подруга не унималась. «Языки вам учить не надо. Это же замечательно! Русскую литературу и историю читать перед сном – так это одно удовольствие! Все прочие знания со мной освоите. Что надо – подскажу. Когда надо – поддержу. Ну и, как говорят французы, вуаля! Считайте, что диплом у вас кармане!» Знаете, я к тому времени уже смирилась с тем, что педиатром мне не быть. Но что мне делать с дипломом педагога? Идти в школу? Раечка засмеялась «Ой, да какая школа, Мадам? У нас в Уфе скоро открывается пединститут. Вам, с вашим французским только туда и дорога! Будете готовить будущих учителей! Меня уже там ждут. Кафедрой заведовать сватают. Вот только кандидатскую защитить надо. Будем тогда мы с вами и соседями, и коллегами! А по вечерам в выходные ещё и собутыльницами! И будем пить вино так, как вы любите – сначала перельём его из бутылки в кувшин, а уже потом в фужеры! Ну как, устраивает вас такая перспектива?» Она продолжала смеяться, а я изумлённо смотрела на неё. Едва ли не первый раз мне предложили самой принять решение. От меня зависело по какому руслу потечёт река моей жизни. И я сделала выбор! А потом так оно всё и вышло. Именно так, как говорила моя милая, верная подруга Раечка. Ну, а дальше... Дальше была жизнь. Обычная жизнь. Я познала счастье выдать дочерей замуж. И стать бабушкой двух внуков. Преподавать французский язык и литературу студентам оказалось моим призванием. А получать удовольствие от работы – разве это не счастье? Мои коллеги по кафедре стали моими близкими подругами. Какая компания у нас была! Анжела, Валюша и я с Раечкой. Все советские праздники и День взятия Бастилии мы

отмечали всегда вместе. А какие вечера у нас были, когда по телевизору показывали концерты мастеров французской эстрады! С холодными закусками и сухим вином! М-м...

Звучит песня Une Vie d'Amour в исполнении М.Матьё и Ш.Азнавюра, потом затихает.

Мишель... Он несколько раз приезжал в Уфу. Посетить могилу матери. И повидать внуков. Дочери с ним общаться не хотели. Я тоже уходила из дома, когда он приходил к нам. Нет, я не была на него обижена. Просто, наверное, по-прежнему любила. Того юношу, которого впервые увидела в ресторанчике напротив медицинского лица в Руане. За кого я вышла замуж. И с кем покинула родной дом. Тот Мишель навсегда остался в моём сердце. А потом мы как будто получили похоронку с фронта. Найля апа принесла нам её. И поэтому другой, который тогда приезжал в Уфу – это был чужой человек. Для меня и моей памяти... Так что звонок моей старшей дочери не поверг меня в какой-то шок. Из него я узнала то, что случилось давным-давно – умер её отец.

Пауза

Знаете, у многих есть негатив к девяностым. От которых нас отделяет всего-то несколько лет. Я тоже не могу сказать, что для меня они стали исключительно благом. Всякое было. Но главное, с чем у меня ассоциируются эти годы – свобода. Свобода, которую я наконец-то обрела. Нет, я не о политике. Не о демократии и прочих атрибутах общественной жизни. Просто в 96-м я смогла восстановить французское гражданство! И не потерять при этом российское! Это позволило мне быть рядом с моими родителями, когда они уходили из жизни. И я благодарна судьбе и России за то, что у меня была такая возможность. Ведь мою родную, любимую Антонину Захаровну, мою русскую маму я оставила в тот момент, когда должна была быть рядом. Меня долго мучила мысль о том, что если бы я держала её руку, когда она читала письмо своего сына, она была бы жива. И смогла бы увидеть все счастливые моменты моей жизни. А если бы она спросила меня, как спросил мой папа, жалею ли я, что уехала почти сорок лет назад из родительского дома в далёкую, чужую страну... Знаете, вот без всякого лукавства (я ведь так и не научилась этому) своей маме Антонине Захаровне я бы ответила: нет, я ни о чём не жалею! Точно так же я сказала и своим родителям: No, je ne regrette rien!

Звучит песня No, Je No Regrette Rien в исполнении Эдит Пиаф.

Мадам встаёт из-за стола и уходит. Гаснет свет прожектора.

З А Н А В Е С

